

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 153–158, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-153-158
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestniknik>

UDC 392.24(045)

Witch-Hunting in Eastern Europe in the 9th–13th centuries: Anthropology of the Phenomenon

Daniil V. Puzanov¹

¹ Postgraduate Student, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the RAS (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: lpdmor@gmail.com

Abstract. The term ‘witch-hunting’ has been used to denote two different phenomena: persecution of pagan traditions by adherents of monotheistic religions and world-wide known archaic ‘trials’ of individuals accused of causing harm to the community by witchcraft. The article attempts to reveal the process of witches’ executions in Eastern Europe in the 9th–13th centuries. For this purpose, the 4 ‘ideal’ and standard witch-hunting motives are described. Those are as follows: 1) fanaticism of followers of Abrahamic religions; 2) faith in sabotage activities by means of witchcraft; 3) the need for a community to join efforts in the face of a common enemy during social plagues and miseries; 4) violation of standards and regulations by a defendant which, as they believed, might adversely influence the community. With evidence from materials on the history of Eastern Europe the paper traces all the four motives. Archaic forms of witch-hunting prevailed, the process was like a communal trial against an imaginary culprit. Details of witch-hunting activities in Eastern European are well similar to any processes of the kind in any other regions of the planet. As a rule, those were individuals that had confronted the community who were charged with witchcraft; in other cases those were socially isolated persons. Witch-hunting was also accompanied by robbery and lethal beating. Culprits were sentenced by ‘trial by ordeal’. During the studied period such violence was condemned by Christianity and probably other Abrahamic religions (this situation changed by the beginning of the Modern era). So, these murders had contributed to ‘team-building’ around community institutions on the old, pagan basis. In such cases, the community began to lay claim to the functions already transferred to the state administration. Abrahamic witch-hunting manifested itself mainly in the suppression of pagan revolts, and, as a rule, motives 2, 3 and 4 were not the case. Intermixture of pagan traditions and monotheistic witch-hunting took place only when communal institutions exercised authority within a new state system of law or when society was on the tribal stage of development.

Keywords: witch-hunting, Old Rus, Volga Bulgaria, Khazaria

Под «охотой на ведьм» обычно подразумеваются гонения, организованные обществом или социальными институтами против лиц, подозреваемых в занятии колдовством. Это явление было известно на всех континентах, но наибольшего размаха оно приобрело в Западной Европе (в католических и протестантских странах) в XV–XVIII вв. Под воздействием окрепшей в это время борьбы за чистоту веры и идеологии абсолютизма явление сильно трансформировалось [Гуревич 1999].

Этнография знает и другую, не связанную ни с христианским фанатизмом, ни с процессами централизации государства «охоту на ведьм», которая до сих пор сохраняется в некоторых странах третьего мира. Наука имеет много информации как о развитой, так и об архаичной формах явления, однако возможные промежуточные типы изучены недостаточно. Источники по истории Восточной Европы IX–XIII вв. позволяют частично восполнить этот пробел и проследить на примере разных обществ особенности первых трансформаций «охоты на ведьм» под воздействием авраамических религий.

Отдельные события средневековой Восточной Европы, которые можно интерпретировать как «охоту на ведьм», имеют солидную традицию изучения. В то же время на материале памятников Восточной Европы исследователи относительно редко пытались понять сам феномен. Концептуальные исследования встречаются только в отношении к изучению явления в Древней Руси. Некоторые исследователи полагают, что на Руси господствовала архаичная, «этнографическая» «охота на ведьм». Духовенство, как и на Западе в раннее средневековье, преимущественно не верило в особую силу колдовства и осуждало расправу над мнимыми ведунками. Государство стало активно участвовать в антиведовских гонениях уже в московский период, и так же, как и на Западе, этот процесс был связан с борьбой против ересей [Петухов 1888; Долгов 2007]. Представляет интерес замечание В. В. Долгова, согласно которому светские власти карали такое «чародейство», которое могло привести к бунту. Мелко-бытовая магия, даже в позднее время, воспринималась как несильное преступление [Долгов 2007: 222].

Другие исследователи полагают, что антиколдовскую истерию во все времена провоцировало духовенство [Трекулов

1964; Смирнов 2014]. Эти выводы сильно идеологизированы и игнорируют факт существования «охоты на ведьм» в языческих коллективах.

Таким образом, под «охотой на ведьм» понимают разные явления: от репрессивных действий религиозных фанатиков до архаичных обрядов. Поэтому можно выделить несколько идеальных типов, в основу которых будут положены мотивы, позволяющие интерпретировать ритуальное убийство как «охоту на ведьм»:

1. СВ — своеобразная «внутренняя священная война» связана с представлением о греховности колдовства в авраамических религиях.

2. ВК — в основании расправ лежит вера во вредительство при помощи колдовства.

3. ПФ — психологический феномен, поиск «козла отпущения» во время социальных бедствий.

4. ДП — связана с нарушением норм и предписаний (девиантным поведением) членом коллектива, которое, согласно верованиям, могло повлиять на погоду¹.

Источники по Восточной Европе изобилуют описанием форм ритуальных расправ, которые не всегда можно однозначно отнести к «охоте на ведьм». Антропология явления в них представлена весьма слабо и зачастую сильно искажена под пером книжника. Наиболее информативны в этом плане поучения Серапиона.

«Охота на ведьм» нашла отражение в 4-м и 5-м поучениях Серапиона Владимирского. Основной пыл 4-го Поучения (ВК:ПФ:ДП?/СВ?) направлен на осуждение веры в способность колдунов кардинальным образом влиять на природные процессы (ВК). Для опровержения этого представления священник использует цитаты из Библии и логические доводы [Серапион 2000: 379–380].

Серапион верит в колдовство, но ограничивает действие чародейства кознями личного характера. Общему тону произве-

¹ Редко какая из выделенных идеализаций встречается в чистом виде. Поэтому изучаемые явления будут шифроваться следующим образом: при сочетании нескольких тенденций между ними будет ставиться двоеточие [(ВК:ПФ:ДП)]; при гипотетическом соответствии явления идеализации, вслед за шифром будет ставиться знак вопроса; при противостоянии двух тенденций, между их обозначениями будет стоять черта [пример (ВК:ПФ?/СВ)].

дения, осуждающего кровавые расправы, противоречит «оговорка» автора, в которой он утверждает, что не против казней реальных преступников [Серапион 2000: 380]. Данное утверждение позволило некоторым исследователям причислить Серапиона к сторонникам СВ. Однако клирик нигде не упоминает, что казнить надо именно за колдовство. Напротив, Серапион противопоставляет справедливый суд пророка Давида, который судил по слову Божьему (Давид в расправах над ведьмами не участвовал, этим прославился его антагонист Саул), несправедливому суду со стороны своей паствы, суду, который, игнорируя сложившиеся правовые обычаи, активно использовал кровавые языческие практики и ритуалы.

По мысли священника, народ обвиняет тех или иных лиц во вредоносном колдовстве по мотивам личной вражды или в целях прибыли, либо из-за недостатка ума (ПФ:ДП) [Серапион 2000: 380]. Упоминание корыстных мотивов может быть отражением реальных процессов. Часто при «охоте на ведьм» как на Западе, так и в других регионах мира, подозрение у общества вызывали люди, которые с ним конфликтовали [Гуревич 1999: 524]; кроме того, ведовские процессы могли способствовать получению отдельными индивидами личной выгоды. Особый интерес представляют сообщения об ограблении. Разграблением и избиением в Древней Руси обычно завершались общественные казни (ДП).

Имущество убитых женщин забирают волхвы во время восстания, описанного в летописи под 1071 г. [ПСРЛ, I 1997: 175]. Серапион не упоминает об избиениях обвиняемых перед их смертью, однако пытки над волхвами осуществляет Ян Вышатич в расправе типа СВ [ПСРЛ, I 1997: 177–178]. В древности не было четкой грани между общинным судом и «охотой на ведьм». Речь шла об обвинении жертвы не в самом факте колдовства, а во вредительстве через магию. Иногда это вредительство проявлялось в экстраординарном поведении. В исследуемую эпоху подозреваемыми в злом колдовстве могли становиться люди, выделявшиеся из общины своим богатством.

Именно родственников повозчиков избивали волхвы в летописном сообщении под 1071 г., обвиняя их в пагубном влиянии на урожай [ПСРЛ, I 1997: 175]. Повозчики

участвовали в сборе дани и, вероятно, могли аккумулировать в своих руках богатства (ДП) [Кривошеев 1985: 127]. Ответственной за неурожай могла быть объявлена и знать. Элементы сакральной расправы носили общественные казни правителей, переступивших нормы традиционного поведения в Восточной Европе.

Представляет интерес обычай умерщвления сакрального правителя у хазар. Согласно сообщению ал-Масуди, если Хазарское царство постигнет какое-нибудь несчастье, знатные и простые люди подходят к царю и требуют убить *хакана* или выдать толпе для расправы [Ал-Масуди 2002: 474]. При этом царь вправе вынести приговор: если обвиняемый действительно виновен, он его убивает, либо выдает толпе. Если же *хакан* не совершал ни преступления, ни греха, то царь его защищает (ДП).

Подозрение вызывали не только правители, но вообще люди, как-то выделявшиеся. Когда поля ливов из Торейды затопили дожди, а у брата Теодориха был обильный урожай, его обвинили в злонамеренном колдовстве [Генрих Латвийский 1938: 72–73]. Согласно сообщению Ибн Фадлана, болгары приносят в жертву богу людей, если те проявляют выдающиеся способности [Ковалевский 1956: 137]. О том, что данное жертвоприношение может быть одновременно «охотой на ведьм», свидетельствует схожее по способу расправы сообщение того же путешественника о великане, которого царь болгар велел повесить за то, что тот будто бы наводил порчу (ВК) [Ковалевский 1956: 139]. Интересные параллели сообщениям Ибн Фадлана обнаруживаются в чувашской этнографии. Чуваша считали колдунами людей, «обладавших профессиональными знаниями или выделявшихся своими какими-либо способностями и талантами» [Денисов 1959: 116].

Следом за упоминанием корыстных мотивов поведения населения в 4-м поучении Серапион сокрушается по поводу способа определения вины обвиняемого — известного многим индоевропейцам обряда испытания водой.

В 5-м поучении (ВК:ДП), так же, как и в 4-м, осуждается вера в способность людей влиять на природные процессы [Серапион 2000: 383]. Однако «испытывают» ведьм здесь не через воду, а прибегая к услугам волхвов. В. В. Долгов отметил, что схо-

жий обычай наблюдается в летописи под 1071 г., когда инициаторами ведовских расправ тоже были волхвы [Долгов 2007: 220]. Однако на этом сообщении параллели не исчерпываются. Под 1024 г. сообщается о расправе кудесников над «старой чадью» в Суздале [ПСРЛ, I 1997: 147]. Согласно Ливонской хронике, при активном участии колдуна решается судьба Теодориха, обвиненного ливами в колдовстве [Генрих Латвийский 1938: 73]. В «охоте на ведьм» колдуны некоторых регионов мира действительно могут принимать непосредственное участие.

Таким образом, реконструируемое благодаря поучениям Серапиона поведение населения во время охоты на ведьм имеет некоторые сходства с тем, что написано по поводу сакральных расправ в других регионах в различных письменных источниках Восточной Европы. Кроме того, оно имеет параллели в мировой культовой практике. Вероятно, классическая традиционная охота на ведьм (ВК:ПФ) сочетала все или некоторые из тех психологических черт, которые мы только что описали, независимо от того, где она происходила. Однако почти не была рассмотрена СВ. Для Древней Руси ВК и СВ были разными явлениями. Когда они встречались друг с другом, то, как правило, противостояли одно другому, как это было во время восстаний волхвов в Суздале и Белоозере, описанных в летописях под 1024 и 1071 гг. [ПСРЛ, I 1997: 147–148, 175–178]. В этих случаях княжеская администрация предотвращает языческую «охоту на ведьм», возникшую в условиях голода, ответив уничтожением проводивших ее волхвов (ВК:ПФ/СВ). В то, что убийство колдунов при этом способно как-то повлиять на урожай, ни представители власти, ни сам книжник не верят. Ян Вышатич, участвовавший в подавлении восстания волхвов на Белоозере, правда, проводит над кудесниками такие действия, которые напоминают ВК. Однако такое поведение, вероятно, было рассчитано на местных жителей. Кроме того, Ян Вышатич действовал на основании архаичного обычного права [Шинаков 2016: 153–154].

Официальная власть (во всяком случае, церковная) теоретически могла участвовать в сожжении 4-х волхвов в Новгороде, описанном под 1227 г. Однако летописные сообщения весьма скудно описывают эти события [ПСРЛ, III 2000: 270; ПСРЛ, X 2000:

94], что открывает широкий простор для исследовательских интерпретаций. В данном случае, если ВК:СВ имело место, то это, вероятно, было обусловлено особой ролью вечевых институтов в управлении религиозными и политическими процессами республики.

Сложно раскрыть характер феномена в исламской Волжской Булгарии и иудейском Хазарском каганате. Повешение великана было санкционировано самим правителем болгар. Однако для ислама не была характерна вера в силу колдовства. Если христианские и иудейские священные книги содержат в себе архаичные конструкты, свидетельствующие о наличии реальной магии у язычников, то в Коране колдовство уже предстает как обман и иллюзия. Во всяком случае ал-Гарнати не упоминает ни о каких кровавых обрядах у волжских болгар. У хазар же, согласно сообщению ал-Масуди, убийство *хакана* совершается под давлением народных масс.

В отличие от Руси и Волжской Булгарии, Хазарский каганат не имел возможности строить государственность с оглядкой на опыт других государств такой же веры. Хазарам «пришлось пользоваться своими старыми „царскими“ матрицами, наполняя их новым содержанием» [Степанов 2005: 323]. Расправа над *хаканом* в период неурожая могла быть переосмыслена с точки зрения новой государственной идеологии, но никак не являлась следствием иудейского фанатизма, и абсолютно точно можно сказать, что это не ВК:СВ:ПФ, но ВК:ПФ. Собственно же СВ в Хазарском каганате, если доверять еврейско-хазарской переписке, могла существовать [Письмо Иосифа 2006: 662, 666]. Однако неизвестно, какие конкретные формы в таком случае принимало это явление.

Таким образом, в Восточной Европе рассматриваемого периода не было необходимых предпосылок для того, чтобы «охота на ведьм» приобрела характер СВ:ВК. Монотеизм недостаточно плотно охватил умы людей и был вынужден мириться с невинными проявлениями традиционных верований, осуждая лишь те воззрения, которые на тот момент для церкви были наиболее опасны. Монотеистическая «охота на ведьм» в тот период чаще всего сводилась к подавлению языческих восстаний. Смешение языческой и монотеистической «охоты

на ведьм» наблюдалось лишь в тех случаях, когда общинные институты осуществляли властные полномочия в рамках новой государственной системы права, либо когда общество находилось под сильным влиянием родо-племенных отношений (как Волжская Булгария времен Алмуша). Поэтому «охота на ведьм» в раннее Средневековье не приобретала тех размахов, какие были свойственны явлению в эпоху абсолютизма. Общинные институты сохраняли свою силу и влияние, и «охота на ведьм» еще не превратилась в идеологическое орудие государства.

Источники

- Ал-Масуди о народах Кавказа и Поволжья // История татар с древнейших времен / под ред. М. Усманова и Р. Хакимова. Казань: Рухият, 2002. Т. 1. С. 472–477.
- Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / введ., пер. и ком. С. А. Анинского. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 609 с.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Из-во Харьковского гос. ун-та имени А. М. Горького, 1956. 350 с.
- Письмо Иосифа // История татар с древнейших времен. Казань: РухИЛ, 2006. Т. 2. С. 660–669.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997–2000. Т. 1, 3, 10. 496; V–XII, 720; 260 с.
- Серапион — Слова и поучения Серапиона Владимирского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 5. С. 370–385.

Литература

- Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М.: Наука, 1964. 170 с.
- Гуревич А. Я. Избранные труды. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. Т. 2. 560 с.
- Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1959. 410 с.
- Долгов В. В. Колдуны и ведьмы Древней Руси XII–XIII вв. // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2007. № 1. С. 217–223.
- Кривошеев Ю. В. Языческая обрядность и социальная борьба в Верхнем Поволжье в 1071 г. // Историческая этнография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 124–131.
- Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. I–VII, 1–236, I–XI, 1–19 с.

Смирнов А. М. Инквизиция (самосуд) русской православной церкви // Журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 25–31.

Степанов Ц. Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего Средневековья // Хазары. Евреи и славяне. М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2005. Т. 16. С. 317–325.

Шинаков Е. А. Менталитет и право в Древней Руси: к интерпретации событий 1071 года // Вестник Брянского гос. ун-та. 2016. № 1 (27). С. 147–156.

Sources

- Al-Masudi o narodakh Kavkaza i Povolzh'ya [Al-Masudi about peoples of the Caucasus and Volga Region]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen / pod red. M. Usmanova i R. Khakimova* [History of the Tatars from ancient times. Edit. by M. Usmanov et al.]. Kazan, Rukhiyat Publ., 2002, vol. 1, pp. 472–477 (In Russ.).
- Genrikh Latviyskiy Khronika Livonii / vved., per. i kom. S. A. Aninskogo [The Livonian Chronicle of Henry. Transl., comment, etc. by S. Anninsky]. Moscow, Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1938, 609 p. (In Russ.).
- Kovalevskiy A. P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [Ahmad ibn Fadlan's book about his journey to the Volga in 921–922 A. D.]. Kharkov, Kharkov State Univ. Press, 1956, 350 p. (In Russ.).
- Pis'mo Iosifa [Joseph's letter]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of the Tatars from ancient times]. Kazan, Rukhiyat Publ., 2006, vol. 2, pp. 660–669 (In Russ.).
- PSRL — *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian manuscripts]. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 1997–2000 (In Russ.).
- Serapion — *Slova i poucheniya Serapiona Vladimirskogo* [Serapion of Vladimir: words and teachings]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Ancient Rus']. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, vol. 5, pp. 370–385 (In Russ.).

References

- Grekulov E. F. *Pravoslavnaya inkvizitsiya v Rossii* [Russia's Orthodox Inquisition]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 170 p. (In Russ.).
- Gurevich A. Ya. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya Kniga Publ., 1999, vol. 2, 560 p. (In Russ.).
- Denisov P. V. *Religioznye verovaniya chuvash. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Religious beliefs of the Chuvash people. Historical and

- ethnographic sketches]. Cheboksary, Chuvash State Publ. House, 1959, 410 p. (In Russ.).
- Dolgov V. V. *Kolduny i ved'my Drevney Rusi XII–XIII vv.* [Magicians and witches in Ancient Rus'. 12th–13th cc.]. *Vestnik Tyumenskogo gos. un-ta* [The UT Research Journal], 2007, No. 1, pp. 217–223 (In Russ.).
- Krivosheev Yu. V. *Yazycheskaya obryadnost' i sotsial'naya bor'ba v Verkhnem Povolzh'e v 1071 g.* [Pagan rituals and social struggle in the Upper Volga Region in 1071]. *Istoricheskaya etnografiya* [Historical ethnography]. Leningrad, Leningrad State Univ. Press, 1985, pp. 124–131 (In Russ.).
- Petukhov E. *Serapion Vladimirskiy, russkiy propovednik XIII v.* [Serapion of Vladimir: a Russian preacher of the 13th c.]. St. Petersburg, 1888. I–VII, 1–236, I–XI, 1–19 (In Russ.).
- Smirnov A. M. *Inkvizitsiya (samosud) russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Inquisition (extrajudicial execution) of the Russian Orthodox Church]. *Zhurnal o prave* [Journal about Law], 2014, vol. 2, No. 4, pp. 25–31 (In Russ.).
- Stepanov Ts. *Razvitie kontseptsii sakral'nogo tsarya u khazar i bolgar epokhi rannego Srednevekov'ya* [Khazars and Bulgars of the early Middle Ages: development of the concept of a 'holy Tsar']. *Khazary. Evrei i slavyane* [Khazars. Jews and Slavs]. Moscow, Jerusalem, Mosty Kultury Publ., Geshtarim Publ., 2005, vol. 16, pp. 317–325 (In Russ.).
- Shinakov E. A. *Mentalitet i pravo v Drevney Rusi: k interpretatsii sobytiy 1071 goda* [Mentality and law of Ancient Rus': events of 1071 revisited]. *Vestnik Bryanskogo gos. un-ta* [The Bryansk State University Herald], 2016, No. 1 (27), pp. 147–156 (In Russ.).

УДК 392.24(045)

Охота на ведьм в Восточной Европе IX–XIII вв.: антропология явления

Пузанов Даниил Викторович¹

¹ аспирант, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск, Российская Федерация). E-mail: lpdmor@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен «охоты на ведьм» в раннесредневековой Восточной Европе. Выделяются мотивы, которые провоцировали общество на такие акции. Это 1) фанатизм последователей авраамических религий; 2) вера во вредительство при помощи колдовства; 3) необходимость коллектива сплотиться в борьбе с общим врагом во время социальных бедствий; 4) нарушение человеком, против которого ведется ведовской процесс, норм и предписаний, которые, как верили, могли негативно повлиять на общество. Отмечается, что в исследуемом хронотопе существовало два разных по своему происхождению и содержанию явления, называемых в научной литературе «охотой на ведьм». Первое явление представляло из себя архаичный суд (самосуд) над человеком, который, как думали окружающие, явился причиной общественных несчастий. Он имел черты архаичного общинного права. Второе заключалось, в основном, в подавлении языческих восстаний, и ему были, как правило, чужды мотивы 2, 3, 4. Реконструируется поведение населения во время архаичных, языческих «охот на ведьм». Свидетельства об «охоте на ведьм» в Восточной Европе сопоставляются с аналогичными процессами в западной и мировой истории.

Ключевые слова: «охота на ведьм», Древняя Русь, Волжская Булгария, Хазария